

В. В. Пименов

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОГРАФИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ**

Влияние ленинизма на развитие советской этнографии общеизвестно: советские этнографы постоянно обращаются к ленинскому наследию, всякий раз находя в нем плодотворные идеи, теоретико-методологические и философские обоснования для новых научных поисков, отправные точки для теоретических построений. Вместе с тем использование ленинского идейного наследия не может быть полным, если не будет в должной мере принята во внимание практическая направленность в сущности всех трудов и всей деятельности великого мыслителя и революционера.

Уже в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс сформулировал требование действительности социальной науки: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹. Развивая мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин особо подчеркнул значение практики, прикладного аспекта всякой серьезной научной теории в общей системе процесса познания. В марксистско-ленинской гносеологии практика выступает как источник и цель познания, как критерий истины. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»². В. И. Ленин подчеркивал активную роль человеческого сознания (в том числе, разумеется, и научного): «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»³. Последнее достигается тем, что «...мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»⁴. В. И. Ленин осуждал типичный для дореволюционного прошлого «полный разрыв книги с практикой жизни»⁵. Он требовал, «чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта»⁶. Труды В. И. Ленина служат образцами соединения теории с практикой. Нечего и говорить о том, что наиболее часто используемые в работах советских этнографов ленинские труды по национальному вопросу, а также по проблемам культуры имеют не только теоретическое значение, но и вполне практическую, прикладную ориентацию.

Решения XXVII съезда КПСС вновь привлекли внимание к практической, прикладной стороне науки. Важной особенностью этих решений является указание на необходимость внедрения в практику новейших достижений науки. «В центр обществоведческих исследований, — записано в Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС, — необходимо поставить фундаментальные задачи ускорения прогресса нашего общества, достижения им нового качественного состояния. Обеспечить оперативный отклик общественных наук на потребности жизни, разработку обоснованных прогнозов и конструктивных рекомендаций для практики»⁷. «Жизнеспособны лишь те научные направления, — говорил на съезде М. С. Горбачев, — которые идут от практики и возвращаются к ней, обогащенные глубокими обобщениями и дельными

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

³ Там же, с. 194.

⁴ Там же, с. 194—195.

⁵ Там же, т. 41, с. 302.

⁶ Там же, т. 45, с. 391.

⁷ Резолюция XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС. — Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986, с. 118.

«рекомендациями». Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусмотрено «сосредоточить усилия общественных, естественных и технических наук на важнейших стратегических направлениях, обеспечивающих ускорение экономического и социального развития»⁸.

Речь идет, следовательно, о планомерной научной разработке фундаментальных проблем, о движении к практике через создание высокой теории, через познание законов объективной реальности, что соответствует ленинской постановке вопроса о связи теории и практики¹⁰. В высшей степени важно, чтобы и этнографическая наука, разрабатывая свои теории, раскрывая законы изучаемой ею объективной реальности, полнее направляла свои силы на исследование ключевых проблем практической жизни, решение которых может способствовать ускорению научно-технического прогресса, помогать революционизированию производства, совершенствованию социальных отношений и условий.

* * *

Представление о прикладной этнографии нуждается в уточнении. Если согласиться с тем, что этнография, как и всякая относительно самостоятельная наука, есть организованная система знаний, более или менее адекватно отражающая сущность этнических процессов; что она имеет свой предмет, собственные методологические принципы, свою сферу теории, свое место в системе наук и широкий круг связей с другими науками, а также постоянно совершенствует методы конкретных исследований, то не ясно ли, что в этой цепи недостает только одного заключительного звена — учения о практическом применении этнографических знаний. Вместе с тем сама возможность прикладной функции этнографии прояснится лишь в том случае, если эта наука перестанет трактоваться как только историческая, а будет рассматриваться также как одна из существенных сторон науки об управлении, включающей прогнозирование и планирование, что отвечает марксистско-ленинскому положению о действенности социальной науки.

Принципиальная необходимость такого подхода к решению проблем прикладной этнографии зиждется на признании детерминированности всякого социального (в том числе и этнического) развития действием объективных социальных законов. Настоящее подготовлено прошлым и в свою очередь обуславливает существенные черты будущего. Важные компоненты этнического и этнокультурного развития ближайшего прошлого сохраняются в настоящем и имеют тенденцию оказывать влияние в обозримом будущем. Иная постановка вопроса привела бы к отрицанию прикладной этнографии и сделала бы излишним дальнейшее обсуждение проблемы.

Прикладную этнографию не обязательно рассматривать как отдельную, четко обособленную отрасль нашей науки. Всякое этнографическое исследование (за исключением историко- и палеоэтнографических трудов) может содержать решения прикладных задач.

Общеизвестно, что прикладные аспекты (то вполне отчетливо и наглядно, то через ряд опосредствований и неявно) в сущности всегда были свойственны этнографии. Уже самые ранние этнографические сведения, известные из истории науки, собирались не столько из чистой любознательности, сколько по вполне практическим соображениям. Позднее результаты этнографических исследований нередко учитывались при принятии практических решений и использовались по преимуществу для

⁸ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986, с. 108.

⁹ Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. — Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986, с. 282.

¹⁰ См. Кедров Б. М. Ленин, наука, социальный прогресс. М.: Политиздат, 1982.

обоснования политической аргументации в межгосударственных спорах и конфликтах, а также в пропагандистских целях. Следует, конечно, определенно указать на то, что в классово-антагонистическом обществе практическое использование этнографических знаний имело и имеет тенденцию к дифференциации в зависимости от социально-политической ориентации самих исследователей. Так, этнографическая экспертиза прогрессивных ученых С. К. Кузнецова и Г. Е. Верещагина способствовала тому, что в известном Мултанском процессе 1892—1896 гг. (по обвинению удмуртов в человеческом жертвоприношении) защите, возглавлявшейся В. Г. Короленко, в конце концов удалось добиться оправдания ни в чем неповинных крестьян.

До эпохи империализма буржуазная этнография не сформулировала законченных научных концепций по проблемам прогнозирования, планирования и управления этническими и этнокультурными процессами. Вместе с тем этнографические знания использовались империалистическими правительствами, миссионерскими и другими организациями в целях порабощения и эксплуатации коренного населения Африки, Америки, Азии и Австралии задолго до того, как буржуазная этнография создала свои теории, методы и конкретные методики, ориентированные на решение прикладных задач¹¹.

Вступление капиталистического мира в эпоху империализма, борьба за передел колоний, социалистическая революция в России, усиление национально-освободительных движений, ускорение темпа исторического развития — вот наиболее существенные факторы, «поторопившие» некоторых ученых осознать возможности и перспективы более утилитарного подхода к этнографической информации.

По понятным причинам, первые шаги в указанном направлении были сделаны людьми, в силу объективных обстоятельств решившими поставить этнографию на службу господствующему классу. В России на рубеже XIX и XX вв. это попытался сделать В. Н. Тенишев, создав частное этнографическое бюро¹² для сбора сведений, которые должны были подтвердить в приложении к этнографии впервые развитую им концепцию функционализма¹³. В Англии в 1920-е годы идеи прикладной этнографии (антропологии) разрабатывал Б. К. Малиновский, считающийся основоположником функционалистского направления и идейным вдохновителем организации в английских колониях правительственной этнографической службы, связанной с системой непрямого управления¹⁴. В дальнейшем многие зарубежные ученые разделяли те или иные идеи функциональной школы в этнографии.

Советские этнографы с первых лет социалистического развития страны вносили свой вклад в исследование и решение проблем культурной революции, национально-государственного строительства, подъема экономики прежде отсталых малых народов нашей страны. Этнографы участвовали, например, в работе Народного комиссариата по делам национальностей; в исследованиях созданной при Академии наук Комиссии по изучению племенного состава России, результаты которых легли в основу национально-территориального размежевания народов Советского Союза; в деятельности Комитета Севера при ВЦИК, вырабатывавшего программы переустройства культуры и быта народов Севера и Сибири

¹¹ См., например, *Григулевич И. Р.* Прикладная миссионерская этнография. — В сб.: Современная американская этнография. М., 1963.

¹² См.: *Начинкин Н.* Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева в архиве Госуд. музея этнографии народов СССР. — Сов. этнография, 1955, № 1; *Рабинович М. Г.* Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М., 1968.

¹³ См.: *Тенишев В. Н.* Деятельность человека. СПб., 1897. См. также *Пименов В. В.* Рец. на кн.: *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии. М.: Наука, 1977. — Сов. этнография, 1978, № 2, с. 144.

¹⁴ См.: *Англо-американская этнография на службе империализма.* М.: Наука, 1951; *Веселкин Е. А.* Указ. раб.

ленные на выяснение структурных взаимодействий в рамках этноса как системы в секторе этнографии народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера СССР²² и др.) способствуют изучению именно этих проблем. Известно, что чем более развита наука, чем полнее разработаны ее теория, методология, методика и исследовательская техника, тем шире ее прикладные возможности, тем более она готова и способна выдвигать конструктивные практические идеи. Чем лучше изучены законы строения этноса, его воспроизводства, ведущие тенденции функционирования этноса в целом и отдельных его компонент, тем содержательнее могут стать прикладные исследования и разработки этнографов, эффективнее — их советы и рекомендации.

Всякий, кто следил за развитием отечественной этнографической науки в течение последних двух десятилетий, хорошо знает, как далеко вперед шагнула в эти годы теоретическая мысль этнографов: имеются очень важные достижения в области общей теории этноса²³, созданы капитальные труды в области этногеографии²⁴, этнодемографии²⁵, этносоциологии²⁶, в изучении этнического самосознания²⁷ и ряда этнических аспектов экономики²⁸. Появляются исследования, трактующие этнос с позиций культурологии²⁹. Судя по результатам в области разработки теории, наша наука близка к постижению смысла и формулированию ряда фундаментальных закономерностей: закона неравномерности развития этносов³⁰, ряда законов их строения и современного функционирования, их социального воспроизводства и др. Все это создает благоприятные условия для поисков этнографами путей и способов внедрения результатов исследований в практику, быт, управление этнокультурными процессами.

В методологическом смысле советские этнографы ставят проблемы прикладной этнографии, исходя из двух фундаментальных идей, имеющих для нашей науки основополагающее значение: 1) марксистско-ленинской концепции интернационализма и 2) представления об управлении социальными процессами с целью их оптимизации. Первое положение при классовом подходе к решению национальных проблем означает не только признание принципиальной ценности вклада любого этноса в мировую историю и культуру (хотя, понятно, реальные объемы таких вкладов различны), не только обязательность защиты любого народа от всякого угнетения и попыток насильственной ассимиляции, но также признание в перспективе исторической неизбежности, закономерности и желательности все большего сближения этносов. Второе положение требует рассматривать всякое социальное (в том числе и этническое)

²² См., например: Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; Статистика в этнографии. М.: Наука, 1985, и др.

²³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии (Очерки теории и истории). М.: Наука, 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

²⁴ Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978.

²⁵ Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977.

²⁶ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Указ. раб.

²⁷ Дробизева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981.

²⁸ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. Национальные традиции социалистической экономики. — *Вопр. экономики*, 1983, № 4; *их же*. Национальные трудовые традиции — важный фактор интенсификации производства. — *Социол. исслед.*, 1983, № 2.

²⁹ См., например, Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

³⁰ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории), с. 52, 63, 66, 294, 303, 358; см. также нашу рец. на эту работу в кн.: Расы и народы. Вып. 12, М.: Наука, 1982, с. 276. Правда, советские обществоведы считают, что в социалистических условиях уровни экономического, социального и культурного развития народов выравниваются. — См.: Дробизева Л. М. Об изучении процесса сближения уровней культурного развития советских республик. — В кн.: Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары: Чувашск. книжн. изд., 1972, с. 318—327; *ее же*. Осуществление ленинской национальной политики КПСС на современном этапе. М.: Знание, 1982; Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Современный образ жизни: общее и национально-особенное. — *Сов. этнография*, 1976, № 3, с. 10—22.

развитие как объективно обусловленный процесс, и, следовательно, научное управление им мыслимо лишь в согласии с присущими ему закономерностями. Вместе с тем этнический процесс имеет и субъективную сторону, и именно здесь возможны управление, реализация воли, сознательное действие, ориентированное в желательном направлении, но в пределах закономерных тенденций. В этих границах имеется возможность выявить оптимальный вариант развития и набор средств, ведущих к его достижению. Критерий оптимальности определить, конечно, нелегко, он зависит от характера конкретной социально-исторической (или уже — социально-этнографической) ситуации, однако теоретическая возможность постепенного приближения к оптимуму не подлежит сомнению.

По своему характеру, типу, объему и т. п. прикладные исследования и разработки, разумеется, могут быть и бывают очень разнообразны. За последние два-три десятилетия получили, в частности, развитие специальные разработки, основанные на материалах полевых этнографических обследований классического типа, результаты которых представляются в государственные учреждения. В этих разработках оценивается состояние традиционных форм хозяйства, культуры и быта тех или иных (чаще всего небольших по численности) народов. Такую работу проводят, например, специалисты по этнографии народов Сибири и Крайнего Севера в Институте этнографии АН СССР³¹. Несколько иное направление приняли исследования и разработки, связанные с внедрением в быт различных народов страны современных гражданских обрядов и праздников. В этом случае речь идет как об изучении традиций и инноваций в их реальном бытовании, так и о создании сценариев тех или иных ритуалов, внедрении их в практику работы соответствующих служб и т. п.³² Исследования и разработки этнографов, имеющие значение для практики, затрагивают, конечно, и другие аспекты. Еще одной из относительно новых форм вторжения этнографов в жизнь стали научно-практические конференции, на которых этнографы и работники различных ведомств совместно обсуждают темы и проблемы, имеющие прикладное значение. Упомянем лишь две из таких конференций: Всесоюзную конференцию в г. Казани (1983 г.), на которой обсуждались вопросы использования этнографических знаний для развития сельского хозяйства в стране³³; региональную конференцию в г. Устинове (1985 г.), где была высказана серия рекомендаций, относящихся к оптимизации культурно-бытовых условий жизни народов Урало-Поволжской историко-этнографической области³⁴.

Результаты рассмотрения названных и подобных исследований и разработок свидетельствуют о том, что смысл и значение многих из них как определенного типа научно-прикладного труда в значительной мере сводятся к профессиональной этнографической экспертизе по той или иной теме или проблеме. Выступления специалистов в качестве экспертов по отдельным конкретным вопросам стали, как видно, исторически относительно ранними формами реализации прикладной роли этнографии. Однако и теперь возможности этнографической экспертизы ни в

³¹ Отражение этой работы можно видеть в ряде опубликованных трудов. См., например: Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. LVI. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Васильев В. И., Симченко Ю. Б., Соколова З. П. Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера. — Сов. этнография, 1966; № 3; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971; Сельскому учителю — о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М.: Просвещение, 1983.

³² Литература по этим вопросам весьма обширна; ограничимся поэтому ссылкой лишь на одну работу, в которой сделана удачная попытка обобщить накопленный опыт: Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985.

³³ См. Липинская В. А. Всесоюзная конференция «Современные этносоциальные процессы на селе и задачи их изучения в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС». — Сов. этнография, 1983, № 6.

³⁴ См. Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР (Тезисы докладов и сообщений). Устинов, 1985; Шкляев Г. К. Этнографическое совещание «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР». — Сов. этнография, 1986, № 3.

кчем случае не могут считаться исчерпанными. Опыт работы этнографов на местах, в союзных и автономных республиках, говорит о том, что в помощи экспертов-этнографов нуждается весьма значительный и все более расширяющийся круг учреждений и организаций.

Факты, свидетельствующие об этом, многочисленны. Этнографы, работающие как в Ленинграде и Москве, так и в региональных этнографических центрах, знают по собственному опыту, что общественная атмосфера по отношению к этнографии существенно изменилась и продолжает меняться. Специалистов-этнографов в Карелии и Молдавии, в республиках Прибалтики и Поволжья, на Украине и в Белоруссии все чаще привлекают к совместной работе не только учреждения культуры, но и архитекторы, дизайнеры, работники общественного питания, службы быта, местной промышленности, торговли и т. п. Сошлемся только на один пример, ближе знакомый автору: в конце лета 1985 г. в г. Уфе при самом деятельном участии башкирских этнографов была организована выставка «Башкирский костюм. Традиции и современность». В ходе работы выставки, вызвавшей живой интерес посетителей, была проведена научно-практическая конференция, на которой выступили художники-декораторы, художники-модельеры, производственники с предприятий, изготавливающих одежду и обувь, и другие специалисты, указавшие на полезность и желательность совместной работы с этнографами.

Таким образом, опыт и исследовательские приемы классической этнографии во многих случаях уже используются и могут быть использованы еще более эффективно (консультации органов загс по вопросам внедрения гражданской обрядности; комбинатов бытового обслуживания — по поводу народных традиций в одежде; учреждений общественного питания — о народной кулинарии, учреждений культуры — по проблемам художественной самодеятельности и т. п.)³⁵.

Тем не менее прикладная, практическая роль этнографических знаний не сводится только к такого рода экспертизе. Этнографы могут сами выдвигать плодотворные идеи прикладного характера. Однако для этого желательно располагать более глубокими знаниями об этносах и системно организованными массовыми данными. На основе системно собранной, организованной и проанализированной информации этнографы в состоянии ставить и решать серьезные научно-практические задачи.

Ориентация на решение задач этого порядка явилась одним из важнейших мотивов проведения серии массовых этнографических обследований в пределах Урало-Поволжской и Северной историко-этнографических областей (в Удмуртии в 1968 и 1979—1980 гг., в Мордовии в 1973 г., в Чувашии в 1981—1982 гг., в Марийской АССР в 1984 г., в Калмыкии в 1985 г., в Башкирии в 1986 г.). Кроме названных обследований, осуществленных Институтом этнографии АН СССР совместно с местными научно-исследовательскими центрами, проведены массовые обследования силами региональных научных центров, а также отдельных молодых ученых (изучение культуры и быта карелов, вепсов и коми, поселений и жилищ сельского населения в Мордовии, сельских поселений в Удмуртии и т. д.). В 1987—1988 гг. предстоит массовое этнографическое обследование в Татарии.

Опираясь на уже сложившиеся научные традиции, удастся, используя статистические процедуры, с определенной вероятностью составлять кратко- и среднесрочные прогнозы развития отдельных элементов культуры и быта у тех или иных народов. При наличии достаточно представительных исходных данных можно, например, подсчитать и численно выразить наиболее существенные тенденции развития, скажем, обрядовой жизни народа в пределах какого-то региона, определить направленные динамики межнациональной брачности или же выявить наилучший

³⁵ О возможностях использования этнографических знаний и работы этнографов в качестве экспертов см. *Бромлей Ю. В.* Может быть, это назовут этноикой. — Знание — сила, 1985, № 12, с. 21—23.

вариант развития сельских поселений и расселения³⁶ и на этой основе выработать соответствующий план практических действий.

Массовые этнографические обследования планируются обычно как многоцелевые. Они включают в себя изучение структуры этноса, тенденций развития современных этнокультурных процессов, а также решение прикладных задач. Работа в области прикладной этнографии в этом случае — один из самых существенных элементов всего исследования.

Накопленный опыт свидетельствует о том, что прикладные исследования могут отвечать разным задачам, а способы представления их результатов могут иметь разные формы: о некоторых из них говорилось выше, но есть и другие. Так, в настоящее время сотрудниками сектора этнографии народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера Института этнографии АН СССР и сектора этнографии и археологии Научно-исследовательского института языка, литературы, истории, экономики при Совете Министров Чувашской АССР подготовлена к изданию коллективная монография «Чуваши: современные этнокультурные процессы», в которой разработка практических рекомендаций по оптимизации развития этнических процессов в республике осуществлена на основе массового обследования 1981—1982 гг. Анализ полученных результатов позволил вскрыть ряд серьезных помех, препятствующих движению к этносоциальному оптимуму. Так, установлено, что в социально-профессиональном составе взрослого чувашского населения республики явно недостаточно представлена группа лиц, занятых высококвалифицированным механизированным трудом, что вступает в противоречие с потребностями ускорения научно-технического прогресса. Анализ этноязыковых процессов показал, что имеется необходимость, с одной стороны, улучшить преподавание русского языка в чувашских селах, а с другой — удовлетворить пожелания части чувашей-горожан обучать своих детей в классах с преподаванием на чувашском языке (последнее пожелание в настоящее время уже реализуется). Выявлено далее, что рост «потребления» национальной художественной культуры (в частности, литературы) сдерживается тем фактом, что литература почти не отражает проблемы труда, быта, социальные и культурные интересы чувашей-горожан — промышленных рабочих и инженеров, т. е. именно тех слоев населения, которые в наибольшей мере призваны осуществлять научно-технический прогресс в республике.

Таким образом, если этнографы располагают системно собранной информацией об этносах, то исследование всякого структурного элемента этноса может быть осуществлено с целью прогнозирования и планирования его развития и управления им, что уже есть шаг к разработке прикладных этнографических проблем. Следуя этим путем, мы, в частности, открываем для себя эффективный метод подхода к явлениям и фактам, давно уже ставшим традиционными объектами изучения классической этнографии. Мы оказываемся в состоянии ответить (в известных, конечно, пределах) на вопросы о перспективах развития таких конкретных элементов национальных культур, как жилище, одежда, пища, домашняя утварь и т. п., предсказать, в какой мере сохранится (или ослабеет) в данной области народного образа жизни тенденция к использованию черт национальной культуры, и т. п.

Однако научная мысль едва ли ограничится постановкой и решением перечисленных и аналогичных им частных задач. Уже теперь исследователи стремятся рассматривать этнос как некий интегрированный фактор и изучать его воздействие на динамику трудовых ресурсов, миграцию населения и т. п. Не требуется большого воображения, чтобы представить себе исследования, касающиеся влияния этих культурных особенностей на уровень и характер покупательского спроса в разных районах страны, на условия быта, структуру и прочность семьи и пр. Вместе с тем прикладные исследования следует проводить в условиях координа-

³⁶ Ср. постановку вопроса об оптимизации сельского расселения в ст.: Паин Э. А. Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения (постановка вопроса). — Сов. этнография, 1985, № 1.

ции (по крайней мере в рамках достаточно крупных историко-культурных зон). В противном случае едва ли возможно избежать нежелательных тенденций к эмпиризму и узкой региональной обособленности.

Наконец, в более отдаленной, но реально различимой перспективе встает очень сложная проблема прогнозирования, планирования и управления этническим процессом в его целостном выражении. Понятно, что ее постановка не может быть продуктивна применительно к классово-антагонистическому обществу. Она реалистична только в условиях социализма и коммунизма.

Надо признать, что этнические процессы весьма сложны и управлять ими трудно. В этой связи встает весьма сложный и в высшей степени актуальный вопрос о современном этнографическом районировании территории СССР. В самом деле, можно ли всерьез говорить не только о решении, но даже о постановке всех названных выше и подобных им задач в масштабе страны без достаточно определенного этнокультурного, языкового и т. п. районирования, без подробного описания современного состояния выделенных регионов, без нанесения необходимых характеристик на карту? Ответ ясен. Рассмотрение любого из прикладных этнографических вопросов, связанных с экономикой, планированием, культурным развитием и т. п., должно быть «привязано» к регионам и без этого не может быть поставлено на научную основу.

В советской этнографии, правда, уже проделана немалая работа по выделению культурно-этнографических регионов, создана концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей³⁷. Однако эта концепция имеет в сущности историческую направленность, и выделенные на ее основе регионы описывают не современную, а прошлую реальность. Конечно, не исключено, что эта классификация может оказать помощь и при определении современных этнокультурных областей, однако задача их выявления остается еще не решенной научной проблемой.

На современном этапе исследователи констатируют сближение наций и национальностей СССР как по экономическим показателям, так и по ряду существенных черт их культуры и быта (хотя наблюдаются и иные тенденции), устанавливают наличие многоплановых этнических процессов³⁸. Все же определение реальной степени развития этих процессов нуждается в более детальных и глубоких исследованиях. Многие их стороны еще не получили точных количественных характеристик. Однако дело не только в этом. Задача не будет решена до тех пор, пока не удастся отыскать эффективные и в то же время гибкие, тонкие, деликатные методы и инструменты руководства этническими процессами.

Последнее из указанных требований, предъявляемых к методам и инструментам управления, выдвигает на первый план проблему моделирования не только структуры этноса (этому этнографы уже научились), но и этнического процесса, а это задача, на несколько порядков превышающая по сложности все то, над чем до сих пор приходилось работать этнографам. Этнический процесс чрезвычайно сложен и труден для исследования не только по своему существу, но еще и в том отношении, что он носит почти предельный в человеческом обществе массовый характер, т. е. затрагивает всех и каждого. Экспериментировать в обычном смысле этого слова с этносами нельзя. Из сказанного следует, что еще до акта управления все эксперименты над этническим процессом должны быть проведены на модели, в роли которой будут выступать теоретические и эмпирические знания об этносе, выраженные по возможности

³⁷ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1971, с. 169 сл., с. 215 сл.; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— Сов. этнография, 1972, № 2; *и др.* Истори-ко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования).— Сов. этнография, 1975, № 3.

³⁸ Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР.— Сов. этнография, 1983, № 2; *его же*. Современные этносоциальные процессы у восточнославянских народов СССР.— Сов. этнография, 1985, № 4; см. также: Сто наций и народностей: этнодемографическое развитие СССР. М.: Мысль, 1985.

в математизированной форме, единственно пригодной для переработки огромного количества информации, требующейся для выработки более или менее адекватной модели этнического процесса.

Едва ли разумно ограничивать возможности науки, отдавая предпочтение тому или иному набору математических аппаратов исследования. Но ясно одно: этнографическая информация станет вполне приложима к решению практических задач лишь в том случае, если она будет собираться, анализироваться, храниться и главным образом поступать к потребителю в форме, пригодной для нужд планирования и управления. Прикладное значение этнографических знаний уже теперь существенно, а в недалеком будущем оно резко возрастет. Нужно быть готовыми к этому.

Все сказанное выше приводит к заключению, что встающие перед этнографией прикладные проблемы по своей сложности, актуальности и ответственности существенно превосходят все то, с чем приходилось иметь дело до сих пор. Предстоят весьма серьезные теоретические исследования, разработка экономных и эффективных методов сбора, переработки и анализа огромных массивов информации. С этими задачами сможет справиться только государственная общесоюзная этнографическая служба, учреждение которой вполне назрело. На XXVII съезде КПСС и в ходе предсъездовской дискуссии были высказаны предложения о создании специальных органов, которые могли бы вести систематическую работу в области, во многом совпадающей со сферой компетенции прикладной этнографии³⁹. Использование знаний и опыта этнографов при изучении данных проблем необходимо и целесообразно.

³⁹ См.: выступление тов. К. Махкамова на XXVII съезде КПСС.— Правда, 1986, 1 марта, с. 4; Восс А. Союз нерушимый.— Коммунист, 1986, № 3, с. 50.

А. И. Першиц, Я. С. Смирнова

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ КАК ПРЕДМЕТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

(в связи с компонентным анализом культуры)

Что такое общественный быт вообще, общественный быт как этнографическое понятие в частности? Это остается в значительной мере неопределенным. Неопределенность связана прежде всего с расплывчатостью самого слова «быт». В обыденном словоупотреблении в него вкладывают самые разные значения. По В. И. Далю, это и житье, и род жизни, и обычаи и обыкновения; по С. И. Ожегову — и жизненный уклад, т. е. установившийся, устоявшийся порядок, и повседневная жизнь. Слово, таким образом, имеет по меньшей мере три значения: особенности жизни, особенности только устоявшейся, вошедшей в обычай жизни и особенности повседневной, будничной жизни. Иначе говоря, в отличие от первого значения второе исключает для быта какие-либо новшества, третье — какие-либо события.

Попав (по-видимому, уже в первой половине XIX в.¹) в русское научное словоупотребление и постепенно получив терминологическое значение, понятие «быт» даже в настоящее время не стало яснее. Новейший философский энциклопедический словарь определяет термин «быт» в широком смысле как уклад повседневной жизни, т. е. объединяет два из трех обыденных словоупотреблений, а в узком смысле — как сферу внепроизводственной жизни. В то же время новейший демографический энциклопедический словарь, принимая указанный широкий смысл данного

¹ См.: Снегирев И. М. Русские в своих пословицах, кн. 1. М., 1831, с. 4; Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848.